
ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Г. А. Бордовский

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В середине октября 2013 года в Государственной думе РФ прошли масштабные парламентские слушания, в подготовке которых автор принимал определенное участие. Среди выступавших, число которых превышало три десятка человек, было много известных людей — университетских профессоров, политических деятелей, работников системы управления образованием разного уровня, представителей работодателей и т. д. Однако у автора не сложилось впечатления, что в результате прошедшей дискуссии достигнут определенный консенсус, опираясь на который можно было уверенно определить основной вектор усилий, которые необходимо направить на улучшение качества подготовки студентов и повышение эффективности работы высшей школы. Все выступавшие говорили, на мой взгляд, правильные и дальние вещи, но каждый о своем. Из этой разноголосицы трудно выделить «золотые зерна», которые можно бы положить в основу законодательных и исполнительных решений. Уверен, что ценные мысли «улучшить», «усилить», «укрепить» и т. п. могут привести к количественным сдвигам, но не к качественным. Исходя из сказанного, автор в настоящей заметке тоже решил порассуждать «о своем» — какие подходы используются для оценки эффективности и качества высшего образования, адекватны ли они решаемым задачам. Тем более что на интуитивном уровне складывается впечатление, что мониторинги, которые интенсивно проводятся в последнее время, направлены скорее на решение каких-то иных задач, нежели помочь вузам повысить свою эффективность в подготовке молодых специалистов.

Представляется, что одним из главных препятствий, стоящих на пути поиска консенсуса всех участников дискуссий, является то, что понятия эффективности и качества в законодательных и нормативных документах не закреплены, а в науке и в практике им часто придается самый разный смысл. Иными словами, мониторинг занимается учетом различных численных показателей деятельности вузов, в то время как на самом деле эффективность и качество — прежде всего понятия не количественные, а качественные, т. е. с трудом поддаются квадиметрии.

В подтверждение сказанного можно рассмотреть несколько примеров. Более всего разработано и хорошо воспринимается понятие экономической эффективности. Ее даже можно измерять количественно. В общем случае экономическую эффективность можно определить как полные затраты на производство единицы продукции. Если подойти с этой меркой к оценке эффективности вузов, то следует вывод, что наиболее эффективно работают те образовательные учреждения, где на подготовку инженера, врача, учителя, агронома или социолога тратится меньше средств. Тогда из проведенных мониторингов следует сделать вывод, что такие вузы, как два особых (МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ), федеральные и исследовательские университеты являются самыми неэффективными, поскольку в них подготовка того или иного специалиста обходится много дороже, чем в обычных. Однако такие вузы никто закрывать не планирует. Значит, речь идет о какой-то другой эффективности.

Рассмотрим эффективность социальную. Сравним по этому критерию два вуза — педагогический университет в некоем депрессивном регионе и федеральный университет в соседней процветающей области. По критериям проводящихся мониторингов педагогический университет следует закрыть как неэффективный. Что, от этого решения данный регион начнет быстрее выходить из депрессии? Может быть, за счет того, что бывшие выпускники федерального университета бросятся поднимать школы в соседнем регионе, получая минимальную зарплату? Верится с трудом, поскольку им и сейчас не составляет труда это сделать — ведь их конкурентоспособность много выше, чем у выпускников неэффективного педвуза (по крайней мере, это считается аксиомой). Я не думаю, что сторонники закрытия этих «неэффективных» педвузов в удаленных дотируемых из федерального бюджета регионах не понимают, что такой шаг приведет к снижению образовательного уровня населения, а следовательно, к еще большему социально-экономическому отставанию территории. Это, соответственно, потребует увеличения федеральных дотаций. Уверен, что не на это направлен мониторинг вузов. Скорее всего, предполагается, что в эффективных вузах дается более качественное образование.

Спорить с этим тезисом трудно, но не менее трудно и его доказать, ибо качество еще более запутанная вещь, чем эффективность. Объективно измерить качество практически невозможно. Поскольку это понятие слишком субъективное. Обычно о качестве в системе управления судят по неким косвенным показателям (начальный уровень зарплаты выпускников, скорость карьерного роста и его потолок, популярность вуза у населения и работодателей и т. д. и т. п.). Конечно, все эти и подобные показатели имеют отношение к качеству, но не закрывают проблему объективного определения качества выпускемых специалистов.

Как правило, большинство людей соглашается с самым общим определением качества, как соответствия предлагаемого продукта ожиданиям потребителя. Однако это понятное определение тоже не закрывает проблемы объективной оценки качества, ибо сколько потребителей, столько и ожиданий. Это, конечно, несколько утрированное положение, поскольку есть какие-то общепринятые стандарты и представления, которые во многом формируют ожидания потребителя. Но ожидания директора и родителей учеников элитной гимназии в центре Санкт-Петербурга или Москвы существенно отличаются от ожидания возможностей нового учителя, которое есть у директора деревенской школы-интерната, расположенной в 600 километрах от поселка Певек (не каждый даже сразу скажет, где этот поселок находится). Иными словами, ожидания от выпускников одного и того же вуза, получивших одинаковую квалификацию, у разных работодателей на практике может сильно отличаться. Один будет считать качество выпускников хорошим, а другой будет этим качеством недоволен (так качественное образование дает этот вуз или не очень?).

В понятии «качество» можно увидеть и такой парадокс, как избыточное качество, которое в глазах потребителя приобретает характер недостатка. Рассмотрим такой пример. Владелец машины, который занимается развозкой товара по магазинам, считает качественной машиной ту, которая надежно заводится при любой погоде и легко управляется, в которой всегда можно обеспечить желаемую температуру, в которой минимум шума, и т. п. Поставщик ему предлагает более качественную машину, которая помимо всего перечисленного имеет еще самый современный турбодвигатель, обеспечивающий разгон до 100 км в час за 5 секунд. Её с лёта хватают ребята из разных ОПГ, считая очень качественной, но наш потребитель побежит от новинки «как чёрт от ладана», поскольку она разорит его только на одном топливе. Примерно так будет выглядеть амбициозный учитель с тремя иностранными языками в поселке, где и на русском не все

разговаривают хорошо. Ему нужно будет демонстрировать не знание Шекспира в подлиннике, а умение строить цивилизованную жизнь практически в условиях выживания. Если он убедит в этом жителей и учеников своим примером, то, возможно, потом и английский будет востребован.

Что же при централизованной оценке в многочисленном сонме представлений о качестве подготовки выпускников, да и вузов в целом, можно оценить достаточно объективно? Полагаю, что прежде всего (если не только) — это соответствие подготовляемых специалистов государственному образовательному стандарту (иначе зачем вообще существуют государственные образовательные стандарты). Иными словами, если в вузе полностью реализуются федеральные образовательные стандарты, а выпускники соответствуют тем ожиданиям государства (а лучше общества), которые закладываются в эти стандарты, то какие претензии могут быть к этому университету. Давайте отработаем хорошо процедуру оценки такого соответствия и всё, проблема решена. Однако уже слышу резонные возражения — а как же соответствие стандарту профессиональной деятельности. Отвечаю — что это за федеральный образовательный стандарт, если его выполнение не приводит к соответствию стандарту профессиональной деятельности? Значит, надо поменять ФГОС так, чтобы соответствовал. Если работодатели не хотят самым активным образом участвовать в совершенствовании государственных образовательных стандартов, тогда им и карты в руки — пусть за свой счет организуют дополнительное образование для выпускников университетов, которые к ним приходят*. Другого я не вижу.

Конечно, в этих моих рассуждениях много и лукавого. Можно без больших дискуссий согласиться с тем, что выпускник МГИМО более качественно подготовлен к дипломатической службе, чем его коллега из Н-ского института международных отношений, хотя они оба выполнили федеральный государственный образовательный стандарт. О чём тут спорить, если второй специалист за 4–6 лет обучения не общался ни с одним действующим дипломатом. Подобную аналогию можно привести и в отношении учительского труда. В чём же секрет бесспорного положения, что качество выпускников некоторых вузов (например, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГТУ им. Н. Э. Баумана, ИТМО или РГПУ им. А. И. Герцена) оказывается выше, чем их коллег, закончивших аналогичные университеты, числящиеся в хвосте любых рейтингов. Ведь в МГУ или ИТМО не читают студентам в два раза больше лекций, чем это определяется стандартом и профессионально-образовательными программами, да и сами студенты не 36 часов в сутки грызут гранит науки, а как и все остальные 10–12, не более. Да и числом квадратных метров на студента далеко не все ведущие вузы страны могут похвастаться, поскольку их маловато, как и у многих других.

Конечно, секрета никакого нет. Всё всем известно давно, но только как-то отодвигается в сторону, затуманивается множеством каких-то формальных показателей, глубинный смысл которых, однако, просматривается плохо. Полагаю, что главное условие подготовки кадров, которые всеми считаются качественными, — научно-образовательная среда вуза. За этим простым термином стоит очень многое — это наличие (и активная работа по производству нового знания) научных школ, широко известных и в стране и за рубежом. Это дух учебного заведения, создающий в университете атмосферу творчества и постоянного поиска, а не формального исполнения своих обязанностей как сотрудниками, так и студентами. Это высокий педагогический профессионализм профессорско-преподавательского состава. Это наличие высокотехнологичной образова-

* Это особенно справедливо теперь, когда по новому закону высшее образование перестало быть профессиональным.

тельной базы в виде современного оборудования, информационной базы и коммуникационных возможностей и т. д., т. д., т. д. К сожалению, далеко не всё из этого можно купить даже за валюту, даже приглашая за большие деньги, которые и не снились отечественным профессорам, зарубежных специалистов. Они как приедут, так и уедут, прихватив с собой одного-двух наиболее талантливых студентов. Научные школы, в которых проживают студенческие годы молодые ребята, особый дух университета формируются десятилетия, а в некоторых вузах и столетия. Такие учебные заведения нужно беречь и развивать, а не заставлять научные коллективы, забывая о творчестве, «играть в цифры», доказывая этим свою состоятельность.

Иными словами, такое «маленько» отличие действительно ведущего вуза от многих других, как наличие особой исторически сложившейся научно-образовательной среды, приводит к тому, что государственные образовательные стандарты, освоенные студентами, одинаковы для всех, но только люди выходят из стен вузов разные. В одних случаях они готовы решать нестандартные задачи, глубоко видеть проблемы, творчески подходить к их решению и т. п., в других — рутинно работать в стандартных условиях, выполняя разные указания и инструкции.

Несомненно, путей и способов повышения эффективности и качества подготовки специалистов в системе высшего образования существует много. Не может дать нужного результата только один — поиск того, что можно отнять у того или иного вуза: у кого деньги, у кого здания, у кого землю, а у кого и просто статус. Например, был университет особо ценным объектом культурного наследия страны, национальным достоянием. Почему бы не забыть об этом и больше не поддерживать его так, как было определено Указом Президента, и кое-что на этом сэкономить. Случается и такое. На мой взгляд, это пример неэффективной экономии.

Однако, что же делать с теми вузами, у которых действительно есть проблемы и которые по разным показателям не соответствуют принятым критериям эффективности? Можно было бы обратиться к опыту соседей, например, Швеции. Мне в 90-е годы довелось познакомиться с тем, как проводит мониторинг вузов Министерство образования этой страны. Оно направляет в вуз несколько специалистов, которые самостоятельно в течение месяца изучают положение дел по всем направлениям деятельности университета и составляют достаточно объемный документ. В нем отмечаются обнаруженные слабые места в функционировании университетского механизма и даются профессиональные рекомендации, что, как и когда можно и нужно улучшить. Один экземпляр этого документа направляется в министерство, а другой остается в вузе для внутреннего использования. Какие-то «репрессивные» меры применяются только к руководству вуза и то лишь в том случае, если оно не смогло воспользоваться бесплатным советом и улучшить состояние дел. Свои рекомендации получает и министерство, чем оно может помочь вузу. Конечно, это не единственный способ того, как можно улучшить эффективность деятельности учебного заведения.

Вот такие размышления возникли у автора в ходе участия в работе парламентских слушаний. Однако уверен, что по этому поводу могут быть и другие мнения.